

Обратный перевод с русского жестового языка на русский язык: новый профессиональный стандарт и компетенции переводчика. Материалы дискуссии

Ирина Гинзберг

Московский
педагогический
государственный
университет,
Москва, Россия
ia.ginzberg@mpgu.su

В материале рассматриваются такие актуальные вопросы, как подготовка, аттестация и оценка квалификации переводчиков русского жестового языка, владение компетенциями в соответствии с требованиями профстандарта, значимость качества обратного перевода (с русского жестового языка на русский язык) и его влияние на репрезентацию представителей сообщества глухих.

Влад Колесников

Фонд V-A-C,
Дом культуры «ГЭС-2»,
Москва, Россия
vladislav.kolesnikov
@v-a-c.org

Ключевые слова:

русский жестовый
язык, переводчик
русского жестового
языка, профстандарт
переводчика русского
жестового языка,
обратный перевод, глухие.

Введение

С каждым годом культурные институции стремятся стать более доступными для всех. Благодаря инклюзивным практикам становится возможным включать в культурную повестку ранее не представленные аудитории, в том числе глухих и слабослышащих людей, носителей жестового языка. Можно перечислить не один десяток проектов, адаптированных и ориентированных на глухих и слабослышащих людей. Наряду с ними появляются программы, созданные при непосредственном участии представителей сообщества. К ним относятся экскурсии на жестовом языке от глухих гидов, городские проекты для школьников и студентов, лаборатории для глухих и слабослышащих подростков, театральные постановки и даже кинопроизводство. Все это доказывает, что представители сообщества глухих могут наравне со слышащими являться активными участниками общих культурных процессов. Включение в эти процессы на разных уровнях позволяет переосмыслить и расширить определение современной культуры.

Программы, созданные при участии глухих и слабослышащих, часто направлены не только на развитие сообщества глухих, но и на распространение знаний о нем, в том числе на популяризацию жестового языка. Проектов, которые включают слышащих людей в повестку сообщества глухих, становится все больше. Также растет и количество институций, готовых реализовывать эти программы и нуждающихся в переводчиках с русского жестового языка на русский язык для слышащей аудитории. В связи с этим остро встает проблема нехватки переводчиков РЖЯ, способных обеспечить качественный обратный перевод. Случается, что институциям приходится конкурировать за переводчика, который может синхронно переводить с жестового языка, при этом подбирать выражения, точно отражающие смысл сказанного, грамматически правильно формулировать и излагать, передавая интонационные и эмоциональные нюансы речи глухих спикеров. Подытоживая, нужно заметить, что переводчиков РЖЯ, качественно работающих в сфере как прямого, так и обратного перевода, в настоящий момент все же не так много, и они не могут в полной мере

удовлетворить спрос со стороны институций, нуждающихся в адаптации и переводе. И сейчас проблема именно обратного перевода становится особенно видимой. Попробуем разобратся — почему. По-прежнему большую часть сообщества переводчиков РЖЯ составляют слышащие дети глухих родителей. Зачастую они приходят в профессию, не имея профильного лингвистического образования, их знания о языке не опираются на теоретические основы, а состоят лишь из опыта общения, полученного в семье и в процессе коммуникации на рабочем месте. Очевидно, что такой базы знаний, складывающейся только из жизненного опыта, недостаточно для того, чтобы перевести, например, доклад на лингвистической конференции, аттестацию глухого гида или выступление на защите проекта. В подобных случаях жестовый язык и обратный перевод при личном общении будет отличаться от понимания перевода, учитывающего определенные грамматические формы, конструкции, лексические единицы, экстралингвистические параметры, — здесь недостаточно просто понять и передать смысл сказанного, а важно сделать перевод исходного сообщения на русский язык адекватным и эквивалентным. В настоящий момент в России несколько вузов и учебных заведений среднего профессионального образования, реализующих программы подготовки переводчиков РЖЯ. Но, по нашим наблюдениям и не только, среди выпускников процент тех, кто соответствует требованиям, предъявляемым культурными институциями к специалистам в этой области, не так уж и велик. Получив базу знаний по лингвистике РЖЯ и теории перевода, они не всегда к моменту выпуска успевают накопить достаточно практических умений и навыков, чтобы обеспечить коммуникацию с носителями языка. «Несмотря на то, что к настоящему времени... уже накоплен опыт подготовки переводчиков РЖЯ (состоялось три выпуска бакалавров), ряд проблем остается актуальным и требует поиска оптимального решения. Одной из таких проблем является формирование коммуникативной компетенции переводчика РЖЯ»¹.

1 Мелёхина Е. А., Приставко К. В. Коммуникативная компетенция как ключевая компетенция в подготовке переводчиков русского жестового языка // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — № 463. — С. 170–178.

Существуют и другие причины, по которым услуга обратного перевода может быть оказана некачественно. Это может случиться, если у переводчика отсутствует возможность провести полноценный так называемый предпереводческий анализ и подготовиться к синхронному переводу с РЖЯ на русский по той причине, что текст докладчика не был предоставлен заранее, или в случае, когда переводчику на полуторачасовой дискуссии приходится работать не в паре, а одному. Все переводчики проходят через травмирующий опыт обратного перевода. И тогда кто-то выбирает путь совершенствования, практику через неудачи и работу над собой. А кто-то предпочитает работать только там, где нужен перевод с русского языка на жестовый. Многие в личных разговорах признают, что он дается им легче и комфортнее. Тренд на уход только в «прямой перевод» кажется проблемой, требующей решения, потому что это делает одну из профессиональных компетенций переводчиков РЖЯ необязательной. А ведь обратный перевод — это репрезентация глухого человека в глазах общества: качественный перевод на русский язык может заинтересовать аудиторию слышащих и приблизить их к пониманию сообщества глухих. А некачественный, наоборот, — отдалить и привести к закреплению негативных стереотипов, связанных с глухими. Кажется, что отчасти этот вопрос должен подниматься в профессиональных объединениях переводчиков, но переводческие союзы и ассоциации пока все еще разрознены. Часто в них не ставят целью повышение качества услуг перевода: нет обучающих семинаров для переводчиков, практики наставничества и супервизорства, не отслеживается соблюдение членами объединений правил этического кодекса переводчиков.

Конечно, сейчас ситуация постепенно начинает меняться — переводчики РЖЯ могут пройти курс повышения квалификации или профессиональной переподготовки в системе дополнительного профессионального образования. Но тут дает о себе знать еще и такая проблема, как нехватка преподавательских кадров в системе профессионального и дополнительного образования, недостаток учебной и методической литературы. Недавно вступил в силу профессиональный стандарт перевод-

чика русского жестового языка². Он был разработан и принят с целью повышения качества переводческих услуг, но на данный момент вызывает много вопросов и замечаний как к терминам, характеризующим необходимые умения и навыки, так и к уровню сложности заданий и их соответствию заявленной категории.

На междисциплинарной конференции «Что значит быть глухим? Новые вызовы для сообщества» 21 мая 2023 года в Доме культуры «ГЭС-2» был проведен круглый стол, посвященный проблемам обратного перевода. Его целью был поиск возможных путей решения проблем, связанных с качеством обратного перевода с РЖЯ и условиями, которые создаются для переводчиков. Круглый стол прошел в формате диалога с переводчиками и представителями сообщества глухих. Обсуждались трудности, с которыми сталкиваются переводчики на пути к самосовершенствованию, этика и социальная ответственность переводчиков перед представителями сообщества глухих.

Расшифровка дискуссии с редакторскими сокращениями, полная версия размещена на сайте Дома культуры «ГЭС-2».

Участники дискуссии:

Влад Колесников, слабослышащий, куратор программ для сообщества глухих и программ доступности для глухих и слабослышащих Дома культуры «ГЭС-2»

Александр Бочков, глухой, председатель Московской городской организации Всероссийского общества глухих

Ольга Варинова, слышащая, CODA, заведующая лабораторией русского жестового языка Института социальных технологий Новосибирского государственного технического университета

2 Профстандарт: 03.016 «Переводчик русского жестового языка». Утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 14.01.2022 № 13н.

Ирина Гинзберг, слышащая, *CODA*, преподаватель, переводчик жестового языка в Московском педагогическом государственном университете

Юлия Крыгина, слабослышащая, директор Национального центра оценки квалификации и сертификации по профстандарту «Переводчик русского жестового языка»

Елена Соловейчик, глухая, директор Учебно-методического центра Всероссийского общества глухих

Дискуссия

Влад Колесников: Насколько остро перед сообществом глухих стоит проблема обратного перевода?

Александр Бочков: Я являюсь руководителем одного из крупнейших региональных отделений России — Московской городской организации ВОГ. И хотел бы немного осветить проблему и высказать мнение: с одной стороны — как работодателя, с другой стороны — как глухого получателя услуг по переводу русского жестового языка (РЖЯ).

Ничего революционного в появлении профессионального стандарта для профессии переводчика нет. Еще в 1995 году постановлением Министерства труда РФ была введена должность «сурдопереводчик» и вместе с тем были утверждены и тарифно-квалификационные характеристики для нее. С точки зрения работодателя из системы общества глухих, появление должности «переводчик русского жестового языка» — положительный момент, шаг в правильном направлении, дающий возможность развивать систему подготовки переводчиков на основе русского жестового языка, родного языка глухих. С другой стороны, работодатель вне системы общества глухих не понимает разницы в форме записи должности в трудовой книжке: придет переводчик, и будет ли сделана запись «сурдопереводчик» или же заменят ее на «переводчик русского жестового языка» — он эту разницу не видит. Но по используемым терминам мы видим, как меняется содержание работы переводчика. Раньше переводчик осущест-

влял перевод на основе калькирующей жестовой речи (КЖР), которая следует правилам и грамматике русского языка, здесь все понятно. Но сейчас система и подход меняются, перевод осуществляется на русском жестовом языке, который обладает своими грамматическими особенностями, своей структурой. И это два абсолютно разных подхода. Проблема для обычного работодателя состоит в том, что он упускает эти тонкости в силу своего незнания о них. Второй интересный момент состоит в том, что с появлением в новом стандарте другой формы записи появились и новые вопросы, например: когда ко мне, как к работодателю для переводчиков РЖЯ, обращается за услугой слабослышащий человек, являющийся членом Всероссийского общества глухих, я не уверен, что он будет удовлетворен, если получит услугу перевода на РЖЯ: он свое общение строит на основе калькирующей речи и не понимает РЖЯ. Конечно, на практике он обратится к переводчику РЖЯ и попросит переводить посредством калькирующей жестовой речи, но вопрос в том, прописана ли в профессиональном стандарте строка о переводе посредством КЖР? Почему мы тогда должны требовать эту услугу от переводчика РЖЯ? Есть ли отдельное требование по дактильной форме речи? Обязан ли переводчик осуществлять эти виды перевода? Должно это прописываться в стандарте или нет? Это важные вопросы, которые стоит обсудить отдельно. Я как работодатель должен работать со всеми целевыми аудиториями: глухими, слабослышащими, позднооглохшими и другими категориями. У позднооглохших требования, например, заключаются в предоставлении им услуг по переводу на дактильную речь. Я же не могу ущемлять их в правах, я обязан предоставить помощь всем и оказать услуги по переводу, а если в стандарте это не прописано, то чем мне руководствоваться?

Именно после обсуждений, дискуссий с участием специалистов, в том числе лингвистов-исследователей, необходимо вносить точные и точечные поправки в нормативные акты, потому что они влияют в том числе на систему обучения и подготовки переводчиков РЖЯ. Теперь отойдем от позиции работодателя и посмотрим с другой стороны, со стороны глухого получателя услуги перевода РЖЯ. Введение термина «переводчик РЖЯ» для самого глухого является большим шагом вперед, так как проблема обратного перевода становится «головной болью» переводчика РЖЯ. Если

раньше глухого с его вариативностью жестов могли «поправить» переводчики — некоторые из них по-прежнему любят это делать, — то сейчас переводчик РЖЯ должен уметь дать обратный перевод с учетом контекста, вариативности. Тут встает интересный вопрос: если глухой почти не владеет русским языком, имеет ограниченный лексический запас в РЖЯ, как должен с ним общаться переводчик РЖЯ? Должен ли он знать кинестетические жесты — такие жесты, которые используют слышащие люди и которые понятны всем (как в фильмах Чарли Чаплина, к примеру)? Например, слово «сердце» в РЖЯ имеет свой жест, но он может быть, в интуитивно понятном для глухого ключе, заменен кинестетическим жестом «любовь». В стандартах эти правила прописаны? Нет. Большую роль тут играет уровень знания переводчиком РЖЯ русского языка: если у переводчика маленький лексический запас именно русского языка, то омонимические жесты, имеющие разные смыслы, он будет переводить только одним известным ему словом русского языка, искажая этим смысл изначальной информации. Важный момент заключается в том, что при подготовке переводчиков РЖЯ нужно уделять внимание не только обучению РЖЯ, пополнению лексической базы РЖЯ, но и обучению русскому языку как основному языку общения в России, на который переводят глухого. Сейчас мы имеем то, что имеем: из 100 условных переводчиков РЖЯ в России свободно владеть обратным переводом в лучшем случае — подчеркиваю, в лучшем — будут 10 специалистов. Остальным нужно предоставить заранее текст, пояснить и обсудить то, о чем пойдет речь, и лишь после этого переводчик сможет как-то осуществить перевод. Это действительно сложная работа. Нам нужны комплексные исследования в дискурсе лингвопрагматики — науки, изучающей практическое использование языка в коммуникации, и здесь обязательно надо учитывать все богатство и разнообразие как РЖЯ, так и РЯ.

Влад Колесников: Как глухой может проверить, хорошо переводчик выполняет обратный перевод или нет?

Александр Бочков: Начну сразу с того, что на этот важный вопрос есть простой ответ — глухой этот момент никак проверить не может. Глухой проверяет уровень перевода на русский язык только до начала перевода: помним про этапы перевода и про то, что перед

самим переводом переводчик РЖЯ обязан провести предпереводческий анализ. По сути, не только переводчик анализирует глухого, но и глухой — переводчика. Если я, как глухой получатель услуги по переводу РЖЯ, вижу недостаточный уровень владения русского языка переводчиком РЖЯ, я вынужден сокращать и упрощать свой РЖЯ, надеясь — обратите внимание, только надеясь, — что перевод на русский язык будет соответствовать моим ожиданиям.

Влад Колесников: Как глухой может, исходя из своего опыта, определить профессионализм переводчика?

Александр Бочков: Ну, это только исходя из своего опыта. Видя из раза в раз, живя с детства в мире глухих, понимаешь, кто из переводчиков профессионал. Часто сталкиваюсь с тем, когда глухого представляет переводчик, переводит его, и если глухой видит понимание и одобрение со стороны слушающего, то таким образом делает вывод о качестве работы переводчика. Но если глухой в ответ сталкивается с возражениями или отказом, то делает вывод, что переводчик плохой. Вот в этом случае нужно разбираться конкретно: глухой тут не прав или дело в переводчике. А то если вопрос решается в его пользу — тут переводчик хороший. Что можно сказать... Это выявляется только в процессе независимой оценки квалификации переводчика РЖЯ.

Влад Колесников: Правильно ли я понимаю, что, приходя на мероприятие и встречаясь с переводчиком, я не могу оценить его уровень профессионализма, если не был с ним знаком, не встречался с ним заранее и не слышал отзывов о его работе от кого-то из знакомых, — и я не могу тогда и быть уверенным в качестве обратного перевода? То есть я не могу быть уверенным и, по сути, извините за сравнение, получаю кота в мешке, когда не знаю, какой переводчик со мной будет работать.

Александр Бочков: Я, как работодатель по оказанию переводческих услуг населению, получаю обращения и просьбы порекомендовать переводчика, назвать конкретные фамилии хороших переводчиков, — и это всегда сложный выбор. У глухих складывается свой рейтинг переводчиков РЖЯ в зависимости от сложности того, где и что нужно перевести.

Елена Соловейчик: Я бы еще добавила. Когда мы создавали организацию «Я понимаю» вместе с Екатериной Савченко, то на встречи мы всегда приглашали переводчика, это наша принципиальная позиция. Я обычно говорю голосом, у меня нет с этим проблем, а Екатерину озвучивали переводчики и при переводе часто ошибались, мне их приходилось останавливать и поправлять. Сейчас, как вариант, можно использовать телефон — функцию расшифровки речи в текст, — и таким образом оценить качество перевода. Расшифровка речи на данный момент является одним из вариантов оценки качества перевода.

Влад Колесников: Расскажите, как обучают переводчиков?

Ольга Варинова: Есть наука, которая называется «теория перевода». В этой науке есть приемы перевода. И вот если переводчик знает приемы перевода, для него не будет проблемой, как глухой разговаривает: визуальными жестами, калькирующей жестовой речью... Опять же, калькирующая жестовая речь — это название, которое когда-то ввела Галина Лазаревна Зайцева, но по факту это всего лишь прием перевода, не более того. Вот в английском есть «английский жестами» или «английский руками» — так они это там называют. Вот поэтому у нас просто придумали свое красивое название — КЖР. Так что если переводчик владеет приемами перевода, то не будет проблемы с переводом глухого человека — любого, с которым он сталкивается. Отвечая на вопрос про образование: здесь на самом деле все очень сложно. Смотрите: образование переводчиков существовало с 60-х годов, это Иосиф Флорианович Гейльман, это ЛВЦ... А на сегодняшний момент у нас действует образовательный стандарт: Федеральный государственный образовательный стандарт — «Организация сурдокоммуникации». И этот образовательный стандарт обучает переводчиков очень странному набору профессиональных компетенций и дает квалификацию «сурдопереводчик». Но, к нашему большому счастью, по этому образовательному стандарту набор уже окончен, и сейчас вступил в силу новый образовательный стандарт, по нему набор начнется в сентябре. Он называется «сурдокоммуникация», хотя надеюсь, что скоро мы уйдем от этого термина, но, к сожалению, чисто технически пришлось его пока оставить, — и там наконец-то будет переводчик русского жесто-

вого языка. То есть это среднее профессиональное образование. Ну и высшее профессиональное образование — то, что мы пытаемся делать: с 2012 года — Московский государственный лингвистический университет, с 2013 года — Новосибирский государственный технический университет, да, сейчас уже Казань к нам присоединилась, но здесь есть одна сложная задача: это сделать образовательный стандарт только для переводчиков жестового языка. Но его нет, и, к сожалению, выпускники — я не знаю, кто из присутствующих, — но наши выпускники получают диплом, и у них там значится первый язык и второй язык, притом какой — непонятно. Да, то есть английский — первый язык и второй — это русский жестовый. Вот поэтому я надеюсь, что мы тут в высшем образовании сделаем что-то по-другому, но, помимо образования, я сейчас являюсь в Федеральном учебно-методическом объединении руководителем секции именно по сурдокоммуникации, то есть подготовке СПО. Недавно мы провели небольшой мониторинг, и у нас на всю Россию меньше 10 учебных заведений, а буквально — 7 учебных заведений, которые обучают переводчиков. И возникает сразу первый вопрос: а кто их обучает? Если под Санкт-Петербургом Межрегиональный центр реабилитации (бывший ЛВЦ), и там мы знаем, кто обучает, у нас в НГТУ тоже знаем, кто обучает, в Томске я еще знаю, кто обучает... Ну и все... а кто там дальше где обучает, мы не знаем. Ну, чуть-чуть Нижний Новгород. Что касается Учебно-методического центра ВОГ: ни среднее профессиональное, ни высшее образование не дают. Дается переподготовка, дается повышение квалификации, и опять же мы понимаем, что очень долгое время Учебно-методический центр ВОГ давал совсем другое образование, только последний год он стал давать более современное. Вот поэтому сказать, что у нас плачевная ситуация в стране, — это ничего не сказать. У нас очень плачевная ситуация.

Влад Колесников: Спасибо. Вы сказали — компетенции, а что это такое?

Ольга Варинова: Федеральный образовательный стандарт подразумевает набор профессиональных компетенций — это некие знания, умения, навыки, которыми должен обладать переводчик. На сегодняшний момент в среднем профессиональном образова-

нии старый образовательный стандарт уже перестал действовать с 31 декабря 2022 года, но студенты еще учатся по нему, в том числе и у нас: там у него компетенции, например, разбираться в «нарушении слуха», уметь ставить речь глухому, и такое прямо сурдологическое направление, второе — это сурдопедагогическое, в том числе направленное на обучение родителей, детей, и маленький такой кусочек про язык. Притом мы знаем, что в некоторых учебных заведениях, которые реализуют эту программу, до сих пор не имеют дисциплины «Русский жестовый язык», у них есть такая волшебная дисциплина, про которую вы, наверное, слышали, — специфические средства общения глухих. Такое, к сожалению, до сих пор есть. Но вопрос опять в преподавателях: мы реально понимаем, что вопрос опять в них, и нам нужно параллельно заниматься преподавателями, которые будут обучать переводчиков. Но по опыту понимаю, что там, где обучают только переводчики переводчиков (без глухих), плохо; там, где обучают глухие переводчиков без практикующих переводчиков, тоже плохо, а вот когда все вместе... А где их взять всех вместе? Вот у нас пока получилось, в МГЛУ частично — тоже знаю, что коллеги справляются, в Казани — не знаю, все остальные города — знаю и плачу. Будем работать. Будем смотреть.

Влад Колесников: То есть на сегодняшний день у переводчиков жестового языка, получающих образование, в компетенциях должно быть обучение устной речи, сурдопедагогика и небольшое знание жестового языка?

Ольга Варинова: С 1 сентября 2023 года — нет. С этого времени компетенции — это знание языка, умение его переводить, и там еще есть маленький блок — сопровождение. У переводчиков, которые с 1 сентября 2023 года на уровне среднего профессионального начнут получать образование, будут дополнительные компетенции — это дистанционный перевод, это тифлосурдоперевод и сопровождение глухого в разные инстанции через систему общества глухих. И здесь очень хочется даже похвастаться, что в системе среднего профессионального образования повсеместно ситуация по всей стране заключается в том, что обучение студентов по любым специальностям очень сильно сокращается. Вот прямо буквально до минимумов. Нам (НГТУ) удалось добить-

ся, чтобы трехгодичное обучение превратили в четырехгодичное, то есть мы добавили еще один год. На уровне высшего образования сейчас 4 года обучение в бакалавриате и на уровне среднего профессионального образования тоже 4 года бакалавриата. Там после девятого, там после одиннадцатого, но, как бы оно ни было, изучение языка длится достаточно большой период времени, потому что невозможно стать синхронным переводчиком, изучая язык 2 месяца. В Федеральном государственном образовательном стандарте, в рекомендациях государственной аттестационной комиссии мы указали присутствие не менее двух глухих человек. Именно в составе государственной комиссии на экзаменах, потому что мы знаем, что в некоторых учебных заведениях глухих не допускают на экзамен, а мы именно вписали в стандарт.

Влад Колесников: Получается, с сентября 2023 года ситуация улучшится для новых переводчиков, которые будут поступать в этом году, и через 4 года мы получим переводчиков с новыми компетенциями?

Ольга Варинова: Но это именно на уровне среднего профессионального образования. А вот на уровне высшего профессионального образования мы уже получаем такие кадры с 2016 года. Переводчики в МГЛУ с 2016 года выпускаются, в НГТУ — с 2017 года, переводчики уже есть.

Влад Колесников: И у них компетенции другие?

Ольга Варинова: Нет, такие же. Тифлосурдоперевода, дистанционного перевода, наверное, у них нет, но это переводчики, которые знают приемы перевода, и это самое главное. То есть этот переводчик владеет одним языком, другим языком, и это важнее всего. И, осуществляя между ними перевод, он знает приемы перевода.

Елена Соловейчик: До 2021 года в УМЦ ВОГ не было ни одного нормального учебно-методического пособия, ни одного нормального учебника. Я полагала: раз общество существует уже давно и раз есть какие-то институты, значит, система должна быть отлажена. Но практика показала, что отсутствие системы очень мешает подготовке переводчиков. Давайте рассмотрим ситуацию

на примере ребенка, который поступает в первый класс: он более-менее владеет русским языком, в школе он учится писать, читать, основные правила ему заложат в первые четыре года, затем от педагогов он дополнительно получит знания по разным предметам, и, таким образом, на выходе мы получим подготовленного выпускника. А что мы имеем в случае с переводчиками: сейчас это в основном дети глухих родителей — из тех, кто приходит к нам. В свое время Анна Анатольевна Комарова говорила, что *CODA* — это большая проблема, но сама я тогда этого не понимала. И сейчас я это действительно осознала, когда столкнулась с тем, что при встрече они мне говорят: «Мои родители глухонемые»*. Вот с такими фактами мы имеем дело. И к нам сейчас приходят либо *CODA*, либо слабослышащие и те, кто полагают, что после трехмесячного обучения они могут работать переводчиками. Я начала изучать зарубежный опыт, и мы взяли за пример американский опыт, потому что у нас в команде работает американец Кен Гаулстон, мы с ним много взаимодействовали по этому вопросу и узнали, что в США существует 4 уровня довузовского образования. Так вот, если человек прошел все эти 4 уровня подготовки и хочет стать переводчиком, то он сдает вступительные экзамены в университет и учится еще 4–5 лет. Представляете, сколько лет должно длиться обучение? И вот такая система мне нравится: такие же уровни подготовки я хотела бы внедрить и в России, пусть не сразу, пусть постепенно. Пусть не на 100% у нас будет дублироваться эта система, а хотя бы подход такой, пусть это будут какие-то этапы для перехода обучающегося с одного уровня на другой. В этом году мы опробовали новую методику обучения на 1-м уровне, и она нам очень нравится, сейчас переносим ее и на второй уровень обучения и готовы начать подготовку преподавателей, которых, как сказала Ольга Варинова, в настоящее время очень не хватает. Поэтому мы готовить преподавателей будем, опять же будем и придерживаться системы уровней. Для начала переводчику нужно пройти первый уровень подготовки, также и преподавателю нужно будет начинать обучение с прохождения первого уровня. Переводчик переходит на второй уровень, так же и преподаватель переходит. Не может преподаватель сразу всех учить. Мой препода-

* В настоящее время термин «глухонемой» является некорректным, и мы не рекомендуем его использовать в отношении представителей сообщества глухих. (Прим. ред.)

давательский опыт насчитывает три года, и, когда появился профессиональный стандарт, для меня это тоже стало новым вызовом, потому что способов нет, а заказ есть. Тем более я не имела права сказать: извините, но мы этого не можем сделать. Я должна была за очень короткое время сделать учебное пособие. Мы его сделали, но мы его не продаем, потому что оно собрано из готовых открытых источников, мы просто собрали всю информацию в одном сборнике и даем его людям, которые приходят к нам учиться. И с чем мы столкнулись? Почему я начала говорить об отсутствии базы — потому что на переподготовку отправляют всех, кто уже знает жестовый язык и работает переводчиком, но не имеет соответствующего образования. Их присылают к нам, и что мы делаем? Мы вынуждены обучать их по программе первого уровня. У них не хватает базы по грамматике языка, они не знают многих нюансов, которые уже должны были бы знать. Вот в ЛВЦ (ныне МЦР) их научили «кальке», у нас на переподготовке они начинают спрашивать: как говорить — на РЖЯ или КЖР? Мы же всегда отвечаем: смотрите на глухого — что нужно ему. У нас упор делается на практику перевода с РЖЯ на русский язык, потому что у переводчиков именно этого навыка очень не хватает. В целом же что я хочу сказать: если в России никто не будет заниматься созданием системы, то ситуация с переводом так и будет хромать. Поэтому сейчас УМЦ занимается созданием системы, рамки ДО (дополнительного образования) нам это позволяют, мы можем предоставлять образование довузовское и послевузовское. Но сейчас мы берем на переподготовку тех, кто уже знает жестовый язык, а тем, кто не знает, отказываем, потому что они просто не смогут быть переводчиками — даже при наличии у них образования (высшего или среднего профессионального). А вот если они хотят быть переводчиками, то им нужно стартовать с самого начала: пройти все четыре уровня обучения, окончить вуз и прийти к нам на переподготовку. На сегодняшний день существует разрыв между теми, у кого базы нет и у кого она есть.

Влад Колесников: Вы отказываете в поступлении или отказываете в выдаче документа?

Елена Соловейчик: Мы отказываем в приеме на программу профессиональной переподготовки. Мы смотрим на человека:

он говорит, что может общаться и знает жестовый язык, мы проводим тестирование, в ходе которого беседуем, задаем вопросы и видим, что жестового языка там особо и нет, тогда рекомендуем пройти первый уровень обучения. А тем, у кого какие-то навыки уже есть, предлагаем в течение шести месяцев попрактиковаться с носителями, пока образовательные программы уровнем выше еще не доступны. Через шесть месяцев человек снова приходит к нам, мы его тестируем, видим прогресс — допускаем. Но, опять же, сейчас мы зависим от регионов: вот появился профстандарт, и регионы нам говорят, что мы останемся без переводчиков... В профессиональном стандарте очень завышены требования. Он нужен, но на освоение требуемых навыков, знаний и умений нужно очень много времени, нужно отладить систему, чтобы у вузов была возможность перестроиться. По сути, вузы сейчас выпускают тех, кто должен поступать в институты. За четыре года программа дает лишь минимум, их натаскивают, пытаюсь подготовить из них переводчиков, которые смогут что-то, а это большая нагрузка на вуз. А вот если бы мы сначала спокойно на четырех уровнях их готовили и только потом бы они шли в вузы, то у них была бы возможность более глубоко освоить язык, и мы получили бы действительно подготовленных специалистов. Поэтому сейчас сложность состоит в том, что в профессиональном стандарте завышены требования, мы вынуждены под них подстраиваться, смотреть, может ли выпускник пройти переподготовку, и мы должны его подготовить так, чтобы он мог сдать экзамен хотя бы на 5-й квалификационный уровень. Например, сейчас мы обучаем группу, в которой есть люди из Москвы и еще из некоторых городов с хорошей базой знаний и есть те, кто совсем не тянет, им мы тоже выдаем документ о прохождении переподготовки, но рекомендуем подождать полгода, попрактиковаться и лишь потом идти сдавать квалификационный экзамен.

Ольга Варинова: Можно еще добавлю про такой момент: было бы здорово, если бы люди сначала учили жестовый язык, а потом поступали в колледжи и вузы, но, к сожалению, закон об образовании не позволяет нам так сделать. Человек, который поступает на уровень СПО после 9-го класса, — поступает просто по конкурсу аттестатов, и мы не имеем права требовать

у него никаких дополнительных документов. Те, кто поступает к нам после 11-го класса, на ступень высшего образования сдают три экзамена ЕГЭ: русский, общество или историю и английский. И тут мы тоже не имеем права ничего требовать, нам закон об образовании этого не позволяет. И я, честно говоря, не верю, что когда-нибудь законодательство позволит нам именно для переводчиков жестового языка запрашивать дополнительную бумажку, что ты прошел четыре курса. Мы можем об этом говорить, но не можем требовать. Вот это очень важно понимать. И вот здесь по поводу профессионального стандарта: действительно, сейчас получается так, что есть, например, выпускники колледжей и вузов, которые могут сразу пойти и сдать на 5-й уровень, а есть те, которых в других городах готовят какие-то другие преподаватели, и они даже не в состоянии поступить ни на переподготовку, ни на повышение квалификации, то есть очень много зависит от преподавательского состава.

Влад Колесников: Одну минуту, я хотел бы еще спросить про ступени. Это не то же самое, что квалификация?

Елена Соловейчик: Нет, это дополнительное образование. Оно нужно для того, чтобы можно было освоить РЖЯ и хорошо им владеть.

Влад Колесников: Это ваша внутренняя система или и по России так же?

Елена Соловейчик: По России мы будем делать в сентябре (2023 года. — *Прим. ред.*). Будем готовить преподавателей, которые могли бы обучать таким способом. Чем больше будем пробовать, тем увереннее сможем сказать, что этот способ действительно работает. Потому что сейчас каждый центр использует свои способы обучения. Опробовав разные, я каждый раз задумывалась и задавалась вопросом: либо мы плохо учим, либо группа слабая? Сейчас же я вижу, что группа хорошая, значит, дело в способе подачи. В России есть школьное образование, вузовское и дополнительное профессиональное образование, которое предлагает два пути: первый — это повы-

шение квалификации, оно возможно, если у вас есть переводческое образование после окончания института, но, опять же, возникает вопрос, где они учились. И второе — переподготовка, предполагающая наличие высшего образования или специального профессионального после колледжа, но не профильного, оно может быть другим: юридическим, например. Особенность в том, что и в одном, и в другом случае люди имеют образование, люди уже работают, и мы каждый раз готовим учебный материал под группу, они же разные. У нас нет такого, чтобы, набрав группу на первый уровень, куда люди приходят с нулевыми знаниями, мы бы использовали одни и те же материалы: способ подачи один, а вот содержание варьируется. И хуже гораздо, когда они программу выбирают сами — и по количеству часов, например, 36. В этом случае мы получаем заказ и вынуждены за короткое время давать им базовый максимум, чтобы потом они могли сдать экзамен по профессиональному стандарту.

Ольга Варинова: Я еще добавлю: здесь происходит некая путаница между этими уровнями: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й уровень — ступени/уровни, у нас в университете это 1-й, 2-й, 3-й уровень — это не перевод, это знание жестового языка. Знание языка, владение языком и перевод — это совершенно разные задачи. Почему мы и говорим, что CODA не равно переводчик, да и вообще любой человек, который выучил 50 жестов и говорит — «я переводчик». Это вообще две разные истории. Таким образом, есть знание языка для общения, для того, ну, не знаю, чтобы прямой эфир там вести в «Тик-токе», а есть перевод — это две разные истории. Поэтому 1-я, 2-я, 3-я, 4-я степень... У нас это 1-й, 2-й, 3-й, 4-й уровень.

Елена Соловейчик: Сейчас указали, что есть разные уровни обучения. Если вы хотите быть переводчиком, то мы можем отказать в случае, когда вы используете лишь указательные и базовые жесты, и вам придется пройти обучение. Если же вы владеете жестовым языком, то мы вас возьмем на переподготовку и будем стараться по максимуму организовать вам практику, но только к концу обучения сможем сказать, сейчас вам сдавать на оценку квалификации или уже потом, после полугодовой практики. Тут мы уже смотрим конкретно на каждого, и те, кто

может, идут сдавать. А есть такие — правда, это редкий случай, — когда самооценка зашкаливает, кто-то оценивает себя на шестой уровень, и тогда мы обращаемся к профстандарту, идем по прописанным умениям и навыкам, уточняем, владеет ими или нет. Важно верно оценивать себя, прежде чем идти сдавать экзамен, и мы честно говорим о реальном уровне владения жестовым языком, чтобы они понимали, что они сдадут и куда пойдут с этим.

Влад Колесников: Шестой уровень — это ведь по критериям профстандарта?

Юлия Крыгина: Обучение и независимая оценка — это абсолютно разные вещи. Независимая оценка одна, а обучение может проходить в разных местах. Можно привести в пример ГАИ. Вот вы сдавали экзамен на получение прав? Нет? Но я все же попробую объяснить. Вы приходите в автошколу: вы можете выбрать любую в своем городе, в любом районе, в любом ценовом диапазоне, но сдавать заключительный экзамен и получать права вы будете в ГАИ. Примерно так же и у нас. Вас учат, если вы захотели стать переводчиком и если у вас есть высшее образование, но вы все же идете учиться на переводчика, потому что у вас в документе нет отметки о том, что вы переводчик, сурдопереводчик или переводчик жестового языка, — ну нет такой отметки в дипломе. А вы мечтаете стать переводчиком, ставите себе это целью и идете учиться на курс переподготовки, поскольку у вас уже есть высшее образование. Вас учат в УМЦ от 24 часов, в НГТУ 250 и 1500. Итак, вы отучитесь, захотите подтвердить свою квалификацию, а у нас их всего четыре. 5-й уровень — переводчик жестового языка, по требованиям самый простой из всех, равняется третьей категории.

Ольга Варина: Третья квалификационная категория.

Юлия Крыгина: Как нам уже рассказали, раньше были третья, вторая и первая квалификационные категории переводчиков РЖЯ. Сейчас по новому профессиональному стандарту сделаны не просто категории, а уровни, соответствующие квалификации.

Ольга Варинова: В соответствии с законом.

Юлия Крыгина: У нас по переводчикам всего их четыре: 5-й уровень, 6-й уровень 2-й категории и 6-й уровень 1-й категории, 7-й уровень — это переводчик-эксперт.

Ольга Варинова: В образовании по-своему, в оценке квалификации по-своему.

Юлия Крыгина: Итак, переводчик отучился, и, если у него есть опыт работы, пусть даже минимальный, и соответствующее образование — у нас такие требования, единые ко всем по всей стране, и вы можете прийти к нам и сдать на независимую оценку профессиональный экзамен, не просто экзамен, а профессиональный экзамен и подтвердить свою квалификацию на 5-й уровень, — это просто переводчик жестового языка. А если вы переводчик с профессиональным образованием, работаете по профессии, имеете достаточный опыт работы и хотите повысить свой профессиональный статус, то вам нужно снова прийти к нам и подтвердить уже другой квалификационный уровень, получше, повыше. И так далее, выше по уровням. Раньше была аттестация, которая проводилась внутри организации. Рассмотрим на примере ВОГ: московское отделение или тульское отделение, откуда я родом. Если, допустим, переводчик работает в Москве, то он не может пройти аттестацию у нас в Туле. У нас в Туле аттестацию проходят свои, в Москве свои. Комиссия своя, то есть все внутри общества. Переводчик, прошедший и подтвердивший аттестацию в тульском ВОГ, в Москве переводить, по идее, не может. Если будем придирааться к документам, то не может. Наш же центр дает возможность переводчикам проверить свою квалификацию, профессионализм, а полученный документ будет действителен по всей России.

Влад Колесников: Значит, если я, будучи из Москвы, приду и сдам у вас экзамен, а потом поеду переводить в Новосибирск, то смогу работать?

Юлия Крыгина: Где угодно.

Влад Колесников: А как именно проходит оценка?

Юлия Крыгина: Сначала подается заявка — онлайн через сайт, это специальная онлайн-форма, официальная. Все находится в подчинении Совета по профессиональным квалификациям в сфере безопасности труда, социальной защиты и занятости населения (СПК). Вы подаете заявку, соответствующие документы — в соответствии с профессиональным стандартом, в котором указаны требования к переводчикам по наличию документов, по опыту работы, то, что должно быть указано в трудовой книжке, — одним словом, нужно прописать все нюансы. Мы проверяем пакет документов, и если вдруг какой-то не будет соответствовать, то мы можем спокойно предложить вам пройти повышение квалификации, или переподготовку, или еще что-то. Если же все хорошо, то мы принимаем вашу заявку и назначаем день экзамена, уведомляем вас о нем и согласовываем. В день экзамена вы приходите к нам, при себе вам абсолютно ничего не нужно иметь, мы усаживаем вас за ноутбук. Процедура экзамена очень прозрачная, нет никакого подлога или покровительства, хотя многие думают, что это так. Вы садитесь за монитор, у каждого переводчика свой экран, камеры наблюдателей со всех сторон, весь процесс экзамена идет под запись. Одна из важных частей экзамена — это теория, то есть теоретическая часть, представленная списком из 40 вопросов из 100, к которым вы выбираете ответы. Мы разработали 100 вопросов на каждую квалификацию, а на экзамене система автоматически показывает 40. Каждому экзаменуемому дается 60 минут, чтобы спокойно ответить на все вопросы.

Влад Колесников: Ответы нужно наговорить?

Юлия Крыгина: Нет, вы проходите в формате теста. Это требования не с нашей стороны, мы ничего не можем поделать, это требования СПК. Вы вводите свои ответы, и если на 30 вопросов ответили верно, то допускаетесь к практической части. Если ответили на меньшее количество вопросов, то, как бы нам ни было жаль, вам снова придется учить теорию. Вопросы в основном касаются переводческой деятельности, культуры глухих, лингвистики жестового языка — все эти знания необходимы переводчику для работы. И еще история, и другие вопросы. И самое интересное то, что вопросы писала не я одна, а группа экспертов, которая их составляла, вносила поправки, добавления, изменения и согласовывала.

вала с Советом по профессиональным квалификациям, поскольку у них тоже есть требования к списку вопросов. Теперь вернемся к экзамену.

Влад Колесников: Например, может быть такой вопрос: в каком году появилась первая школа для глухих в России?

Юлия Крыгина: Да, почему бы нет.

Влад Колесников: Понятно, то есть вопросы на знания о сообществе.

Юлия Крыгина: Предлагается 4 варианта ответа на выбор. А дальше получаете час времени на подготовку к практической части. Практическая часть разработана в соответствии с уровнями: пятым, двумя шестыми и седьмым. Если вы думаете, что для 5-го уровня задания такие же, как для 7-го, то вы ошибаетесь. На 7-м уровне переводчик должен быть готов ответить безупречно, на 5-м уровне требования не такие. То есть задания подобраны в соответствии с профессиональным стандартом: каковы характеристики в стандарте, таковы и задания. Если в профессиональном стандарте указано, что переводчик 5-го уровня должен уметь выполнять последовательный перевод, то именно на это ему и будут предлагаться задания. Если для переводчика 7-го уровня в стандарте прописаны высокие требования к переводу в прямом эфире на телевидении, то и задания ему будут предложены точно в соответствии с этой характеристикой.

Влад Колесников: Значит, когда я получаю допуск к практической части экзамена на 5-й уровень, то я слушаю аудио и выполняю перевод?

Юлия Крыгина: Да, верно, слушаете речь из монитора и осуществляете перевод.

Влад Колесников: В заданиях для 7-го уровня есть перевод с РЖЯ на голос?

Юлия Крыгина: Да.

Влад Колесников: Синхронно? То есть я должен не только синхронно озвучить, но также сделать перевод на жестовый язык звучащей речи из монитора и еще нужно уметь перевести рассказ глухого на жестовом языке?

Юлия Крыгина: Да. Запись экзамена передается группе экспертов, и в течение некоторого времени они проверяют ваши ответы, и результаты сообщаются непосредственно вам. Ответ вы получаете не сразу. Группа экспертов, в составе которой есть как глухие, так и слышащие, по таблице критериев, не придуманных от балды и не взятых с неба, оценивают вашу работу, ставят экзаменационную оценку как переводчику.

Влад Колесников: Это я понял, но все же остается верным мое предположение о том, что моя оценка, результат сданного экзамена зависят от людей. Да, они это делают на основе критериев, у них есть определенные правила, но все же именно люди дают мне оценку.

Юлия Крыгина: Только по практической части, именно практической части! Потому что переводчики ведь работают с людьми индивидуально.

Влад Колесников: А среди этих людей в команде есть переводчики? И у них уже есть квалификация?

Юлия Крыгина: Да. Очень многие обвиняют нас в том, что мы берем в число экспертов случайных людей, ходят такие слухи, еще как ходят... Так вот, есть переводчики с многолетним стажем, и те из них, кто попал в число экспертов, должны были пройти обучение в Совете. После прохождения обучения они получили документ, не помню точную красивую формулировку, но подтверждающий повышение квалификации именно в экспертной деятельности.

Ольга Варинова: Мне очень хочется добавить такую важную вещь, а то есть ощущение, что она теряется: профессиональные стандарты и требования к переводчикам — это закон. То есть существует Трудовой кодекс, в Трудовом кодексе существует

отдельный раздел по профессиональным стандартам, и там четко прописано, что должен делать работодатель, что должен делать работник, куда девать вот эту самую бумажку, куда применять этот профстандарт, что такое Совет по профессиональным квалификациям, и еще есть отдельная система, которая связана с Министерством труда, с Министерством социальной защиты и т.д. То есть это федеральный уровень. И вот вернемся к аттестации: действительно, в законе нигде никогда не было записано, что переводчик, сурдопереводчик или переводчик русского жестового языка должен проходить какую-то оценку квалификации или аттестацию. Нигде он не должен. Аттестацию придумал ВОГ сам для себя, чтобы оценивать переводчиков. Я в университете работаю 25 лет, и никакой аттестации по закону у нас не существует и не было никогда. Мы ее, конечно, внутри себя придумали сами. Но вот все-таки по поводу того, что действует по всей стране или не действует: сейчас у меня в коллективе переводчиков в нашем университете достаточно большая команда, и работают две девочки, которых мы когда-то приняли, когда-то научили, когда-то дали дипломы. И по-хорошему обе должны отработать не менее трех лет, чтобы я им дала переводчика второй категории, сейчас они у меня просто переводчики без категории, у нас нет третьей-второй категории. Но, допустим, может быть такая ситуация: приходят ко мне Арина, Лера и говорят: «Ольга Александровна, мы хотим вторую категорию». А я как начальник: «А не дам!» Ну, я имею на это право, у меня фонд заработной платы ограниченный и вообще вы мне не нравитесь. Идите работайте! Арина и Лера что могут сделать? Они могут приехать, сдать независимую оценку квалификации хоть на 7-й уровень: у них позволяет и диплом на самом деле, и опыт работы, и я уверена, что они... Они сдают 7-й уровень, привозят и говорят: «Ольга Александровна, вот». И я все. Я обязана выполнить. То есть я должна, если это, например, 7-й уровень, который равен 1-й квалификационной категории или высшей категории, я обязана их взять на работу, потому что это трудовое законодательство. Оценка квалификации — это не придумал ВОГ очередную какую-то историю, это трудовое законодательство. И я должна фонд заработной платы как-то раздуть, но как работодатель я не имею права отказать. Возможно, Общество глухих как общественная организация и может игнорировать Трудовой кодекс и сказать: а мне плевать на ваш Центр

оценки квалификации. А мы — федеральная образовательная организация, я не имею права не учитывать при определении должности оценку квалификации. А вот аттестация — если бы мои переводчики пошли бы в ВОГ прошли аттестацию, и там получили какую-то бумажку, и пришли бы ко мне, то я бы сказала: «Ну это же ВОГовская аттестация, да пожалуйста». Кто знает, у нас есть компания «Сурдофон», которая сейчас превратилась в «Адаптис», там был диспетчерский центр, где мы проводили свою собственную аттестацию. Давайте будем честными: аттестация эта иногда проводится в том числе, скажем так, «по знакомству», а здесь все-таки совершенно другой вопрос.

Ирина Гинзберг: Мы сейчас много говорили про образование, про то, как это происходит, но вообще-то сегодняшняя тема нашего круглого стола — это обратный перевод, хотя Ольга так и не сказала, почему он не обратный. Но я думаю, что на это у нас уже нет времени, и по привычке все равно буду использовать термин «обратный перевод». Компетенция переводчика состоит из двух основных составляющих. Это перевод с русского языка на русский жестовый язык, и неважно, какое средство общения выбирается переводчиком — РЖЯ или калькирующая жестовая речь. И вторая очень важная составляющая — перевод с русского жестового языка или калькирующей речи на русский. И нельзя специалиста назвать специалистом, если он не владеет обеими составляющими на должном уровне, необходимом и соответствующем уровню компетенций. А что такое компетенция, как ее можно определить? Для любого переводчика с любого языка есть два определяющих термина — это «эквивалентность перевода» и «адекватность перевода». Что такое эквивалентность? Это тождественность, это соответствие языковых единиц, то есть насколько точно мы подбираем эквиваленты либо к слову, либо к жесту. Но мы понимаем, что эквивалентный перевод будет равен калькирующему переводу, и он не всегда будет смысловым и, значит, адекватным. И если мы говорим об адекватном переводе, то это будет смысловой перевод, но, опять же, в этой ситуации мы не можем сказать, что адекватный перевод — это идеальный перевод. Вот, например, в профстандарте как раз фигурирует такая формулировка, что адекватность перевода является одной из составляющих компетенций переводчика. Что об этом можно сказать — фор-

мулировки, которые там прописаны, недостаточно определяют уровень квалификации, по крайней мере не полностью. Потому что в каких-то случаях перевод должен быть эквивалентным, если это какое-то научное выступление/доклад, когда переводчик должен переводить термины и не может говорить просто на тему, близкую той, о которой говорит спикер. Это может быть, например, аттестация глухого гида в музее, где тот будет использовать термины «футуризм», «импрессионизм», а если переводчик будет переводить так: ну, это что-то такое из представлений о будущем, — то понятно, что эксперты музея скажут: «Простите, пожалуйста, а вы тут нам про что сейчас?» И это будет опять же несоответствие компетентности переводчика, то есть она не будет соответствовать тому разряду и тому уровню квалификации, который требуется глухому спикеру в этот момент. Здесь очень важно учитывать именно то, насколько переводчик точно может донести информацию, которую сообщает глухой спикер, насколько точно он может передать языковую и стилистическую особенность речи, стилистику выступления. Если это стендап, то переводчик должен передать юмор, потому что глухие пришли развлечься, а не на какое-то научное выступление. То есть всегда должен быть соблюден стиль речи, должен быть адекватный и эквивалентный перевод — тут мы не можем выбирать. И здесь мы опять же поднимаем вопрос о том, как сам переводчик оценивает свои знания и наличие у себя этих двух компетенций. Потому что сейчас, как сказал Александр, из 100 переводчиков Москвы только 20 переводчиков могут перевести обратно. Это о чем говорит? Это говорит о том, что переводчики, получив некий опыт и базу, не буду спорить, порой хорошую базу перевода с русского языка на русский жестовый язык или посредством калькирующей речи, останавливаются в своем развитии и полагают, что и с этим можно жить спокойно, получать хорошую зарплату: деньги есть, себя прокормлю, зачем мне развиваться дальше, зачем мне работать в этом направлении, если у меня и так все в шоколаде? И такой переводчик приходит в Центр оценки квалификации, сдает экзамен на какой-то уровень, получает бумажку, подтверждающую его квалификацию, и считает: все, жизнь удалась! Могут жить дальше. Сдав, попадает в реестр переводчиков, а глухой или какая-то институция, планируя проводить мероприятие, будет искать там специалистов для перевода. Сегодня на конференции

сколько, 13 переводчиков работают? Вот, наверное, сложно было найти такое количество переводчиков. И, конечно, такой реестр — это мечта. Зная, что есть суперспециалисты 7-й квалификационной категории, эксперты — их будут ждать, мечтать увидеть у себя на площадке.

Юлия Крыгина: Да-да, вот Ирина хорошее замечание сделала про попадание переводчика в реестр с 7-м уровнем: на это я очень хочу сказать, что сейчас мы все движемся параллельно. У нас в ЦОК нет каких-то завышенных требований, до которых бы обучение не дотягивало: мы идем параллельно. Сейчас мы в переходном периоде, и нам крайне важно вырастить новых очень хороших переводчиков. Но прежде всего надо заметить, что все документы имеют свой срок, они не пожизненные. Каждый документ имеет свой срок: 3 года и 5 лет.

Ирина Гинзберг: Хорошо, сейчас человек получил документ на 3 года, на 5 лет, и он уже эксперт и может быть приглашен на обратный перевод. А он с ним не справляется... Он не может это сделать просто потому, что не может, но при этом получил 7-й уровень. И вот глухой не знает его, но видит в реестре или институция, такая как ГЭС-2, Пушкинский музей или Музей «Гараж», видит его в реестре, когда им нужен обратный перевод — звонит, приглашает. Человек приходит как эксперт 7-го уровня...

Юлия Крыгина: Опять же, повторяюсь, у нас сейчас переходный период, нам нужно замотивировать переводчиков.

Ирина Гинзберг: Да, мотивация очень важна, но, мне кажется, таким образом вы лишаете мотивации переводчиков. Потому что зачем мне работать и совершенствоваться, если я уже эксперт? Зачем? Пусть на 5 лет, но я уже эксперт! И эти 5 лет я не выполняю качественно свои трудовые функции.

Юлия Крыгина: Вы говорите о том, что переводчики 7-го уровня имеют завышенный разряд, поскольку не справляются с переводом с русского жестового языка на русский. Мы все это учитываем. Понимаете, для нас эта система тоже новая. Вот в прошлом: система подготовки переводчиков была совершенной? Нет, все

тоже было через ошибки. Все проходят по этому пути. И мы, ЦОК, хотим эту систему отладить и довести до ума, чтобы она была удобна для всех: и для переводчиков, и для глухих. Наша оценочная система меняется и совершенствуется, ничто не стоит на месте. К тому же пусть у переводчика и 7-й уровень эксперта, но если на него будут жаловаться, то мы всегда можем лишиться его документа. Но опять же возникает следующая проблема — работа с глухими.

Ольга Варинова: Все-таки здесь есть такой важный момент, я еще вернусь к самому первоначальному, о чем не сказали, — давайте про слово «обратный». Почему мы не используем слово «прямой» и «обратный»? Потому что мы сейчас пытаемся сделать все, чтобы работа переводчика русского жестового языка была похожа на работу переводчика английского языка, французского языка, немецкого, американского жестового, да какого угодно, чтобы была одна система. Так вот, первое, что мы выяснили: там нет понятия «прямой» и «обратный». Есть два языка и перевод с/на. Вот нам очень удобно, мы с коллегами часто пишем: с РЖЯ перевод на РЯ или с РЯ на РЖЯ. В общем, это самый такой удобный вариант, почему мы так пытаемся уйти от понятий «прямой»/«обратный», хотя, еще раз, внутри рабочих коллективов такое может быть. Следующее, что бы мне тоже очень хотелось добавить — это опять: CODA не равно переводчик. И, опять же, вопрос в чем: то образование, которое давалось до того, как появился МГЛУ, оно рядом не стояло ни с каким переводческим образованием. У меня тоже есть диплом переводчика, но то, чему меня учили (мне в принципе стыдно сказать), и то, кто учил, — это тоже другое. Так вот, любой нормальный переводчик знает, что процесс перевода состоит из определенных этапов: первое — это подготовка к нему. Вот подготовка к переводу — я, работая по регионам с переводчиками, прекрасно знаю, что все говорят: «А за чем? Зачем готовиться? А я знаю этого глухонемого*. Чего там готовиться? Подумаешь, я и так переведу». Мы же реально понимаем, что, придя сюда, в ГЭС-2, если вы меня из Новосибирска привезете, я буду, наверное, недели три изучать все ваши сайты

* В настоящее время термин «глухонемой» является некорректным, и мы не рекомендуем его использовать в отношении представителей сообщества глухих. (Прим. ред.)

и выпрошу у вас сто-пятьсот ваших докладов, а не просто какую-либо презентацию. Первое — это подготовка. Второе — это сам перевод. Это где я подумаю про лексику, чтобы она соответствовала, где я подумаю, какой у меня глухой, где я подумаю про то, какой у меня слышащий, с какой скоростью речи он разговаривает и так далее. Следующий этап перевода — это рефлексия. У нас переводчики вообще не в курсе, что нужно свой перевод потом проверять и каким образом проверять. Я вообще благодарна УМЦ ВОГ, что мы это обсудили, и что мы теперь это делаем, и что мы теперь видим, как переводчики понимают, какова ценность рефлексии. И четвертый этап, который для каждого переводчика очень важен, — это повышение квалификации и постоянно жить в режиме «брать информацию, где-то что-то изучать, где-то куда-то идти». И сюда же относится и этика перевода, вот то, что вы говорите: получил свидетельство или документ об оценке квалификации и сел — и ничего не надо больше делать. На самом деле вот я получила такой документ. Но, еще раз, переводчик, получивший данный документ, просто обязан поддерживать свою вот эту вот экспертность, которую он получил по документу. Но, опять же, если он понимает, что у него есть клиенты и глухие, и слышащие, он и тем, и тем должен предоставлять. И вот был еще вопрос про этику. Профессиональная этика как таковая не может быть утверждена законодательно и внесена в какой-то федеральный закон, нет. Она может быть просто каким-то переводческим сообществом разработана, совместно с глухими обсуждена, утверждена, и каждый переводчик, который является членом этой общественной организации, к примеру, говорит: «Да, я разделяю принципы этой этики». Так вот, в этих этических как раз правилах должно быть прописано, что если я иду туда переводить и от меня ожидают перевода, например, с русского языка на русский жестовый или с русского жестового языка на русский, и я понимаю, что я лично, если вот сюда меня позвали переводить, буду бежать и пятки будут сверкать. И если я приду на пару по философии к себе в университет или в любой другой университет, то там я буду переводить хоть 3 часа подряд. Все зависит от переводчика. И этика позволяет отказаться от перевода, если я понимаю, что я не квалифицирована в этом виде перевода. Так вот, здесь как раз образование переводчика в результате приводит к тому, что он не просто гонится за день-

гами, когда его только деньги интересуют, а когда он в первую очередь дорожит своей репутацией.

Ирина Гинзберг: Действительно, но есть лишь единицы таких переводчиков, которые ценят свою репутацию и не гонятся за деньгами, потому что прекрасно понимают, кто они и что из себя представляют. А вот переводчики, которые не ценят ее, идут и берутся за заказ, берут за него деньги, — они в принципе подводят глухого человека и подводят институцию. И к тому же губят репутацию глухого и репрезентацию глухих людей в сообществе слышащих. Потому что их перевод, хоть с русского языка на русский жестовый, хоть с жестового языка на русский, таков, что глухие выглядят людьми, которых начинают жалеть.

Ольга Варинова: Можно я еще добавлю. Вот я хочу сказать спасибо большое Кену Гаулстону за то, что он приехал к нам в Новосибирск вместе с УМЦ ВОГ, и мы провели очередной семинар, он в записи есть, вы можете найти его в интернете, кому надо — лично скину ссылку. А мы все знаем, что за рубежом есть организация *RID* — реестр переводчиков для глухих. И последняя информация, которой с нами поделился Кен, — о том, что там есть такой момент, как некий рейтинг переводчиков, ну как мы там звездочки ставим: этому переводчику одна звездочка, а этому — пять звездочек. Так вот, еще раз, смотрите, что сейчас произойдет с момента оценки квалификации, с момента появления повышения квалификации и переподготовки, с момента профессионального образования, как у нас. У нас, кстати, в системе профессионального образования еще появилась такая история, как демо-экзамен, демонстрационный экзамен, который весь проводится под камерами, фактически он абсолютно идентичен оценке квалификации, просто там другой уровень требований. Так вот, к чему это все приведет. Первое — мы реально сейчас почувствуем в этот переходный период жесткое сокращение переводчиков, реально это почувствуем. Сейчас первые, кто уйдут, — это пенсионеры и слабослышащие. Мы это почувствуем, но мы не можем этого не сделать. Второе — сейчас реально начнется борьба за качество. Но время придет. Во-первых, подрастает молодежь, которая платно училась, например, мои студенты в год платят 160 тысяч рублей, в год, чтобы за 4 года получить диплом пере-

водчика. И они уже не пойдут за 3 рубля работать, опять же, они понимают, что такое теория перевода, они понимают, что такое качество предоставляемых услуг, они понимают, что их ежегодно выпускается... Вот у нас каждый год выпускается 20 человек. ВОГ мне обещает их взять на работу. Я все жду, когда вы всех моих выпускников возьмете на работу. Я пачками готова их поставлять во все регионы, что мы и делаем. И получается, что у них качество перевода уже значительно лучше. И чем жестче мы сейчас закручиваем гайки — УМЦ, куда люди жалуются, мы, вот Центр оценки квалификации, — чем жестче мы закручиваем гайки, тем выше качество мы сделаем.

Ирина Гинзберг: Я думаю, что нужно пересмотреть какие-то критерии по определению этих квалификационных категорий. Потому что очевидно, что они не соответствует должному уровню. Если мы понимаем, что человек называет себя экспертом или хочет претендовать на уровень эксперта, то он должен быть совершен и в одном, и в другом виде перевода. То есть нельзя человека называть специалистом и присваивать уровень эксперта, если он владеет только одной из двух компетенций. А получается, что задания, которые он выполняет на экзамене под камерами с мониторами, не соответствуют уровню, они занижены. Если он может...

Юлия Крыгина: Мы не можем занижать. Если он все сдал, то мы тут бессильны. Получается, нам для работы в будущем нужно разработать другие задания, которые бы соответствовали, и нам нужны помощники. Все очень просто.

Влад Колесников: К сожалению, у нас закончилось время. Мы не ставили вопрос как проблему, которую нужно было бы решить. Мы должны были сегодня просто обсудить предложенную тему и понять, что вообще происходит в сфере перевода. Надеемся, что как можно большее количество людей познакомятся с жизнью сообщества глухих.

***Reverse Interpretation
from Russian Sign
Language into Russian:
New Professional
Standards and Skillsets
for Interpreters—a
documented discussion***

(Abridged transcript of
the discussion, full version
available on the GES-2
House of Culture website)

Irina Ginzberg

Moscow Pedagogical
State University,
Moscow, Russia
ia.ginzberg@mpgu.su

Vlad Kolesnikov

V-A-C Foundation,
GES-2 House of Culture
Moscow, Russia
vladislav.kolesnikov
@v-a-c.org

Keywords: Russian Sign
Language (RSL), Russian
Sign language interpreter,
Russian Sign Language
interpretation professional
standard, reverse
interpretation, the d/Deaf.

This documentation of a round table discussion reviews important issues the reverse interpretation field, including the training, certification, and qualification assessment of Russian Sign Language interpreters; the skillsets that must be developed in accordance with professional standard requirements; the importance of reverse interpretation quality (from Russian Sign Language into Russian); and the impact of this quality on the representation of member of the Deaf community.